

**ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ**

1

1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

П 25

8а

а

ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

1

1957

Вопросы истории философии в трудах Г. В. Плеханова

Член-корр. АН СССР М. Т. ИОВЧУК

В литературном наследии Плеханова большое значение имеют его труды и высказывания по вопросам истории философии. Круг проблем, интересовавших Плеханова в области истории философии, необычайно широк; они охватывают огромное поле истории человеческой мысли — от возникновения анимистических представлений в первобытном обществе до буржуазных философских учений XX века (неокантианство, махизм, прагматизм, кроччанство, масарикизм и другие). Плеханов изучал также самые различные течения социологической мысли — от взглядов Аристотеля до социальных «теорий» империалистической буржуазии (Штаммлер, Струве и др.).

Перу Плеханова принадлежат многие работы, посвященные истории философской мысли и тесно связанные с задачами идейно-политической борьбы против врагов марксизма. Особенно большое значение для истории философии имеют следующие его работы: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории», «Очерки по истории материализма», «Несколько слов в защиту экономического материализма», предисловие и примечания к переводу книги Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах...», «Первые фазы учения о классовой борьбе», «Основные вопросы марксизма» и другие. Истории философской и общественно-политической мысли в России посвящены: капитальное исследование и ряд статей о Н. Г. Чернышевском, работы о В. Г. Белинском, А. И. Герцене, статьи о Н. А. Добролюбом, П. Я. Чаадаеве, декабристах, славянофилах, народниках и т. д., а также материалы незаконченной книги «История русской общественной мысли».

В трудах Плеханова, направленных против народничества, кантианства, махизма, «веховства» и других антимарксистских течений, в его многочисленных рецензиях на книги русских и зарубежных авторов постоянно затрагиваются проблемы истории философии, показывается, как идейная борьба перекликалась в современном ему обществе с различными философскими и социологическими взглядами прошлого.

Большое количество незаконченных статей, заметок и других подготовительных материалов Плеханова по истории философии не вошло в его собрание сочинений и опубликовано в сборниках «Литературное наследие». Многие подготовительные работы и материалы, имеющие прямое отношение к истории философии, еще ждут своего опубликования.

Наследие Плеханова в области истории философии, несмотря на отдельные ошибки автора, непоследовательность и отступления от марксизма в меньшевистский период его деятельности, является ценным вкладом в историю марксистской мысли. Оно по праву принадлежит международному рабочему движению и поныне служит делу идейной борьбы марксизма против реакционной буржуазной идеологии.

* * *

Наиболее ценным в трудах Плеханова по истории философии является сочетание глубокого и разностороннего исследования процесса развития философской мысли с решением методологических проблем истории философии. Следуя Марксу и Энгельсу, Плеханов считал исходным методологическим принципом в изучении истории философии выяснение зависимости развития философской мысли от экономической жизни и борьбы классов. В «Очерках по истории материализма» он писал: «С точки зрения той научной школы, к которой я имею честь принадлежать, *идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное*». Кто хочет с этой точки зрения излагать историю идей, должен потрудиться объяснить, как и каким образом идеи той или иной эпохи были порождены ее социальными условиями, то есть в конечном счете ее экономическими отношениями. Дать такое объяснение — это огромная и благодарная задача, разрешение которой совершенно преобразует историю *идеологий*» (Соч., т. VIII, стр. 30).

Но отсюда Плеханов не делает вывода, что марксистское исследование истории философии может ограничиваться лишь выяснением экономических корней развития философской мысли. Предупреждая против подобного вульгаризаторского истолкования этого основного методологического принципа, с позиций «экономического материализма», Плеханов подчеркивал, что суть историко-философского исследования — в рассмотрении специфики развития философской мысли, в детальном выяснении его закономерностей. «Прежде чем ответить на вопрос, *почему* развитие идей совершалось тем или иным образом, надо сперва уяснить себе, *как шло* это развитие, — пишет он в «Очерках по истории материализма». — ...Это значит, что объяснить, *почему материалистическая философия развивалась так*, как мы это видим у Гольбаха и Гельвеция в XVIII и у Маркса в XIX столетии, можно только после того, как ясно будет показано, *чем была в действительности эта философия*, которую так часто не понимали и даже совершенно извращали. *Прежде чем строить, надо расчистить почву*» (там же, стр. 31).

В центре научных исследований Плеханова в области истории философии всегда стоял вопрос о преемственности в развитии философской мысли. Следуя Марксу и Энгельсу, Плеханов показал, что в каждую новую историческую эпоху философы не начинают свою мыслительную деятельность на пустом месте, а продолжают и развивают философскую мысль предшествующих поколений, исходя из новых потребностей общества.

Он считал, что корни преемственности философских идей глубоко социальны. Одни идеи прошлого, в том числе и философские, вполне соответствуют интересам нового экономического развития, другие, хотя и не вполне соответствуют им, могут быть критически использованы в новых философских системах для достижения новых целей; иногда новые по содержанию идеи могут содержаться в старых философских системах. Старые философские идеи, которые тормозят развитие нового, отбрасываются прогрессивными силами современности, но охотно берутся на вооружение реакционерами, стремящимися сохранить старые социально-политические порядки.

Философы той или иной эпохи могут идти по стопам предшественников, развивая их мысли. Это, по Плеханову, один из возможных типов преемственности в развитии философских идей. Так, например, французские материалисты шли по стопам Локка, но развивали дальше его материалистический сенсуализм и делали из него более последовательные выводы. Это обуславливалось тем, что они выступали как идеологи революционной буржуазии, а Локк был лишь выразителем интересов сторонников классового компромисса между буржуазией и дворянством. Плеханов счи-

тал, что может быть и такой тип преемственности, когда мыслители новой эпохи следуют приемам мыслителей прошлого, но отстаивают новые идеи. Так, например, скептицизм, как метод рассмотрения философской мысли прошлого, использовался в самых различных целях. Декартом он был применен в борьбе против схоластики; Кантом же и особенно кантианцами — в борьбе против материалистической науки и философии нового времени. Чаще же всего в философии встречается такой тип преемственности, когда мыслители нового времени восстают против старых идей и приемов, критикуют их, но все же не выходят за рамки тех проблем, которыми занималась предшествующая философская мысль, хотя и пытаются дать новые ответы на поставленные ранее вопросы. Так, например, Фейербах, восстав как материалист против идей и приемов немецкой идеалистической философии, тем не менее, отвечал на многие из тех вопросов, которые были ею поставлены.

Анализируя историю философии, Плеханов часто применял логический прием антитезы, согласно которому развитие философской мысли рассматривается как отрицание положений, понятий, идей предшествующих философских систем. Так, ошибочно следуя методу антитезы, Плеханов пришел к выводу, что французские философы XVIII века были атеистами, а их последователи, утописты XIX века, почти все склонились к мистике. Здесь он явно допустил некоторое преувеличение: далеко не все философы Франции XVIII века были атеистами, и отнюдь не все утописты XIX века были мистиками, сторонниками религии. По Плеханову, в Англии XVII века борцы против абсолютизма были религиозными фанатиками, а поэтому аристократы эпохи Реставрации были отъявленными материалистами. Пользуясь методом антитезы, и в данном случае Плеханов опять-таки допускает преувеличение. Прием антитезы, если его использовать всегда и всюду, может привести к схематизму в изложении истории философии. Но в нем есть и рациональное зерно: выясняя противоречивый характер развития философской мысли, он показывает переход тех или иных философских идей в их противоположность.

Раскрывая всю сложность и противоречивость процесса развития теоретической мысли, Плеханов отмечает, что далеко не всегда передовой мыслитель сочетает в себе прогрессивные социально-политические воззрения с научными взглядами в области философии. В статье «Гром не из тучи» (1901), направленной против анархистов, с порога отбрасывающих гегелевскую диалектику на том «основании», что у Гегеля были реакционные социально-политические идеи, Плеханов писал: «Мыслитель, сочувствующий *реакционным* стремлениям в общественной жизни, может тем не менее создать философскую систему, заслуживающую *полного внимания* и даже *сочувствия* со стороны *прогрессистов*. Надо уметь различать между *теоретическими послылками* данного писателя и теми *практическими выводами*, которые он сам делает из своих теоретических посылок. Практические выводы могут быть неверны или враждебны делу человеческого прогресса. Но в то же самое время *посылки*, лежащие в основе этих неверных или вредных *выводов*, могут быть и *верны*, и полезны, — полезны в том смысле, что, *будучи правильно истолкованы*, они дадут новый довод или даже целый ряд доводов в защиту *прогрессивных* стремлений. Вот почему такие эпитеты, как *реакционер* или *прогрессист*, никоим образом не характеризуют *теоретических* заслуг или ошибок данного философа. Кто хочет уничтожить этого философа во мнении мыслящих людей, тот должен опровергнуть *теоретическую* часть его учения. Только после опровержения этой части он имеет право указать на то практическое *стремление* или на то *влияние* общественной среды, которое побудило мыслителя *исказить истину* или *помешало ему додуматься до нее*. При соблюдении этого условия указание на политические симпатии мыслителя (реакционер, прогрессист и т. д.) будет содействовать

выяснению генезиса (происхождения) его заблуждений» («Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник V, стр. 172—173).

Это принципиальное положение, как и многие другие верные мысли Плеханова, сохраняет свою силу и в наши дни, помогая бороться с нигилистическими «упражнениями» вульгаризаторов, которые начисто отбрасывают многие из домарксистских философских учений, ссылаясь на то, что творцы этих учений не были прогрессивными деятелями и революционерами.

Среди методологических проблем истории философии, разрешаемых Плехановым, большое место занимает проблема относительной самостоятельности философии как специфической формы общественного сознания. Плеханов считал, что между уровнем развития философии и уровнем развития экономической жизни нет полного соответствия: в одних странах философские идеи отстают от развития экономики, а в других странах, наоборот, опережают экономическое развитие. Следуя Энгельсу, Плеханов показывает, что зависимость философии от экономического базиса и интересов классов не является непосредственной: нередко на содержание философских взглядов, и в особенности на их форму, оказывают влияние религия, наука, искусство и другие формы общественного сознания; большое влияние на содержание и форму философских учений оказывает «мыслительный материал», то есть философские идеи предшествующих поколений.

Плеханов решительно возражал против утверждений вульгаризаторов марксизма (А. Богданова, В. Шулятикова и др.) о том, что в любой философской системе прошлого истина искажается в корыстных интересах той или иной социальной группы. Так, например, категории рассудка и антиномии разума Канта изображаются вульгаризаторами как средство доставить немецкой буржуазии «как можно больше вкусных блюд и «прекрасных невольниц» (Соч., т. VII, стр. 203). Плеханов не раз отмечал, что многие философы прошлого: французские просветители, немецкие идеалисты и другие — не сознательно фальсифицировали действительность, а были глубоко убеждены в правильности своих взглядов. Правда, их взгляды, как философские, так и социологические, носили отпечаток исторической ограниченности того класса, чьи интересы они выражали, и были обусловлены уровнем науки того времени. Некоторые идеологи эксплуататорских классов, считавшие общественные отношения прогрессивными для того времени естественными и вечными, не видели противоречий, содержащихся в этих отношениях и ведущих их к гибели, объявляли борьбу против господствовавших общественных отношений неправомерной и тем самым отгораживались от прогрессивных сил общества; Плеханов называл их бессознательными лицемерами. Впоследствии, в ходе борьбы господствующих классов против революционного движения и передовых идей, реакционные идеологи этих классов вставали на путь сознательного лицемерия. Так, например, Беркли, прагматисты и прочие враги материализма искажали действительный ход научного познания и исторических событий, отвергали понятия материи, закономерности и т. д., ибо ставили своей целью ниспровергнуть материализм.

В отличие от многих буржуазных историков философии, которые ограничивали историю философии лишь анализом «гносеологических» и иногда «онтологических» идей, Плеханов считал важной и неотъемлемой частью истории философии историю социологических идей, а также историю этики и эстетики. Он видел, что идеологи консервативных и реакционных слоев, стремясь увести общество от животрепещущих проблем социальных преобразований, игнорировали как современные вопросы социологии, морали и политики, так и социальные проблемы в истории социологической мысли прошлого. Поэтому в официальных историко-философских курсах и трудах буржуазных историков философии, как правило, не освещалась история социологических учений. Критикуя историко-философ-

ские книги Ланге, Жюля Сури, Ибервега и других, Плеханов отмечал, что из истории философии эти авторы берут лишь то, что относится к натур-философии и морали, и совершенно игнорируют социально-исторические воззрения мыслителей, в частности философов-материалистов XVII—XVIII веков, и в особенности Маркса. «Ни историки общей философии, ни историки материализма, в частности, не дают себе даже труда упомянуть об его материалистическом понимании истории» (Соч., т. VIII, стр. 30).

Следует заметить, что Плеханов, справедливо осуждая модную «теоретико-познавательную схоластику» реакционной буржуазной философии конца XIX века, вместе с тем несколько недооценивал роль теории познания в истории философии: стараясь, говоря его словами, точно изложить взгляды французских материалистов и Маркса по этому «пункту», он тут же ошибочно посчитал этот пункт «второстепенным».

Плеханов критиковал эмпирический способ изложения истории философии Ибервега и ряда других историков философии, состоящий в изложении одной философской системы следом за другой, на том основании, что одна система якобы порождает другую, а она, в свою очередь, третью и т. д. Критикуя Ибервега, Плеханов дает в «Очерках по истории материализма» определение метода историко-философского исследования, имеющее большое значение. Он считал, что историк философии должен пойти дальше, чем Ибервег, который только лишь констатировал наличие борьбы и «стремления к примирению» между религиозными убеждениями, с одной стороны, и научными знаниями — с другой. Историк должен задать себе следующие вопросы: «1) Не были ли традиционные религиозные убеждения естественным продуктом некоторых фаз социального развития; 2) не имели ли открытия в области естественных наук и наук о духе своего источника в предыдущих фазах этой эволюции (т. е. социального развития.— М. И.); 3) наконец, не одна и та же ли самая эволюция, имевшая в одном месте и в один период времени более быстрый, в другом месте и в другой период более замедленный темп и видоизменявшаяся в зависимости от множества местных условий — вызывала как борьбу между религиозным учением и новыми взглядами, приобретенными современной мыслью, так и перемирие между двумя ведущими борьбу силами, умозрительные принципы которых переводят условия этого перемирия на «божественный язык» философии? Рассматривать историю философии с этой точки зрения значит рассматривать ее с материалистической точки зрения» (там же, стр. 172).

Плеханов требовал от историков философии не только выяснения зависимости идей от социального развития, но и анализа условий, в силу которых открытия естествознания и достижения общественных наук могли плодотворно или замедляюще действовать на развитие философии. Он требовал также научного анализа неравномерности социально-исторического развития общества на различных ступенях его развития, особенностей этого развития в различных странах, вызывающих в одних случаях борьбу науки и религии, в других случаях обуславливающих их временное примирение. В своих трудах Плеханов проводит, хотя и не всегда последовательно, мысль о том, что в каждой отдельной цивилизованной стране литературные течения и философские идеи приобретают особый оттенок, иногда почти новый смысл.

Применяя правильные методологические принципы к конкретному исследованию историко-философских проблем, Плеханов допускал однако ряд ошибок. Например, он утверждал, что в отличие от французских материалистов, которые, разбирая прежние философские системы, черпали отсюда аргументы в пользу своих взглядов, для уничтожения влияний идеалистических предшественников, Гегель якобы «не борется с системами своих предшественников: он считает их различными ступенями развития *«единой философии»*» (там же, стр. 132). Это утверждение не вполне верно даже относительно той части истории философии Гегеля,

в которой освещаются предшествовавшие идеалистические системы. Так, например, Гегель по-своему критиковал и агностицизм Канта и субъективный идеализм Беркли, Фихте и других. Это неверно и по отношению к гегелевской оценке материализма. Плеханов в данном случае увлекся и забыл о том, что Гегель не только боролся с материализмом, но и прямо его третировал, что было отмечено В. И. Лениным.

Мы находим у Плеханова немало примеров правильного подхода к вопросу о партийности общественных наук, в том числе и истории философии. В 1901 году в статье «Сант против Канта» Плеханов дает еще неясное и неточное определение партийности науки: «Партийная наука», строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование «*ученых*», *проникнутых духом партий и классовым эгоизмом*» (Соч., т. XI, стр. 60), — а год спустя в предисловии к работе Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» Плеханов правильно решает этот вопрос относительно политической экономии. Он пишет: «Математика не может быть ни социалистической, ни буржуазной; это верно; но что верно в применении к математике, то ошибочно в применении к общественной науке... То, что мы называем, например, *буржуазной экономией*, есть одна фаза развития экономической науки, то, что мы называем *социалистической экономией*, есть другая фаза ее развития, непосредственно следующая за нею... Было бы очень ошибочно думать, что буржуазная экономия состоит из одних заблуждений. Вовсе нет! Поскольку буржуазная экономия соответствует определенной фазе общественного развития, постольку она включает в себе *научную истину*. Но эта истина *относительна* именно потому, что она соответствует *только известному фазису общественного развития*. А теоретики буржуазии, воображающие, что общество навсегда должно остаться в своей буржуазной фазе, приписывают своим относительным истинам *абсолютное значение*» (там же, стр. 87, 88).

Однако следует сказать, что Плеханов не поднялся до ленинского понимания партийности науки и философии даже в доменьшевистский период своей деятельности.

Плеханов неоднократно подчеркивал необходимость бережного отношения к истории философии и всей общественной мысли прошлого и вместе с тем критического подхода к ней. Он говорил, например, о том, что французские материалисты XVIII века, французские историки времен Реставрации, представители немецкой классической философии по ряду проблем философии и социологии дали много ценного, научного, но не создали вполне научных систем. Он высоко оценивал диалектическую точку зрения Гегеля, его высказывания о преемственности и внутренней закономерности развития философских идей, справедливо отмечая, что только при таком подходе к истории философии она может стать предметом научного анализа. Считая справедливым обвинение Гегеля в том, что он иногда бесцеремонно обращался с историческими данными, Плеханов делает вывод: все же его лекции по истории философии представляют собой «наилучшую историю философии, т. е. самую поучительную, проливающую самый яркий свет на теоретическое содержание различных философских учений» (Соч., т. XVIII, стр. 138).

Плеханов хорошо понимал, что с возникновением марксизма произошла революция в философии. Однако, подчеркивая то общее, что соединяет философские системы прошлого друг с другом и с марксизмом, он не обратил должного внимания на то, что отличает их друг от друга, не выяснил, в чем состоит коренное отличие диалектического и исторического материализма от домарксистских философских учений. Плеханов неправомерно сближает агностицизм Канта и позитивизм Спенсера с чуждыми агностицизму, хотя и неточными, метафизическими положениями Гольбаха и других французских материалистов о том, что при помощи наших чувств могут быть познаны лишь свойства вещей, но не их природа,

«сущность». Подчеркивая то общее, что сближает материалистическую философию XVIII века с материалистическими положениями системы Канта, он усматривает разницу между этими учениями только в характере феноменализма Канта и в том, что применение категорий его логики ограничено определенной сферой явлений. Он отвлекается от агностицизма и дуализма Канта, которые чужды материалистической философии.

Плеханов иногда допускает такие формулировки, которые как бы стирают различие между французскими материалистами, а также Фейербахом, с одной стороны, и Спинозой — с другой. Он утверждает, например, что «материалистическая философия Фейербаха была, как и философия Дидро, лишь родом спинозизма» (Соч., т. XI, стр. 25). Мало того, подчеркивая главным образом то общее, что связывает между собой различные материалистические учения, Плеханов отступает от историзма. «Маркс и Энгельс,— пишет он,— в *материалистический период* своего развития никогда не покидали точки зрения Спинозы» (там же, стр. 24), и даже называет марксизм «родом спинозизма».

Эти отдельные ошибочные формулировки Плеханова шли по линии сближения марксизма с предшествовавшими философскими учениями. Эта тенденция была присуща ряду марксистов-теоретиков II Интернационала. Но Плеханов был лучшим из них. Он правильно понимал сущность философии марксизма и в своих трудах до 1903 года по-марксистски подходил к истории философской мысли.

* * *

Труды Плеханова по истории философии посвящены преимущественно истории материализма. Преобладание у Плеханова интереса к материализму нельзя считать случайным: в истории формирования материалистического мировоззрения и его борьбы с идеализмом и религией он видел закономерный и поступательный процесс развития философской мысли человечества от незнания к знанию, от низшего к высшему.

Рассматривая в различных аспектах историю философской мысли XVIII—XIX столетий и совершая исторические экскурсы в более ранние периоды развития философской мысли (древней Греции, XVI—XVII вв. и другие), Плеханов прослеживал борьбу материалистических и идеалистических направлений, критиковал промежуточные, дуалистические системы, осуждал имевшиеся в прошлом и повторяющиеся в настоящее время попытки «подняться выше» партий в философии — материализма и идеализма.

Обращаясь к истории зарождения и развития философских идей, как идеалистических, так и материалистических, Плеханов всегда стремился раскрыть их гносеологические и социальные корни. Он считал, что идеалистические взгляды восходят своими корнями к анимистическим представлениям первобытных людей о душе как особом существе, отличном от тела и господствующем над ним. От анимистических представлений о душе люди пришли к вере в существование особых духовных существ, духов, которые якобы управляют миром, что впоследствии привело к возникновению философских идей о раздельном существовании души (сознания) и природы (материи). В первобытном обществе стихийно зарождалась и правильное представление о мире, то есть появились зачатки материалистического мировоззрения.

Прослеживая возникновение научного взгляда на мир в древней Греции, связанное с изучением природы, с наблюдениями над явлениями природы в процессе деятельности людей, Плеханов не без основания утверждал, что даже на первых стадиях существования древнегреческого общества в сознании людей не было еще отделения материи от мышления. Ведь даже на ранних стадиях развития древнегреческой философии

вся природа в целом, не только все бытие, но и познание, рассматривалась как состоящая из «основного вещества», которое Фалес, например, считал водой, Анаксимен — воздухом и т. д. Представление о различии между бытием и мышлением возникло значительно позднее и нашло отражение в появлении основного вопроса философии и различных попытках его решения.

Почему же идеализм, выросший из анимистических представлений, был длительное время господствующим мировоззрением, хотя преимущества «научного взгляда на природу», то есть материализма, были очевидными?

Это объясняется, по мнению Плеханова, во-первых, тем, что «в течение очень долгого времени естествознание подвигалось вперед так медленно, что не могло выбить анимизм изо всех его позиций», во-вторых, тем, что «усложнялась общественная жизнь и участились сношения между отдельными обществами, образовалась даже совершенно новая область явлений, долго не поддававшаяся научному исследованию и потому объяснявшаяся анимистически посредством ссылки на деятельность того или другого бога» (Соч., т. XVIII, стр. 302). Речь идет здесь о сфере социальной жизни — о взаимной борьбе различных сил данного народа, о международных войнах и т. д., где часто результаты действий людей были совсем не те, которых они желали. Это приводило к вере в существование «небесных сил», к тому, что люди стали искать у них помощи и поддержки. Но причины господства идеализма, как показывает Плеханов, коренятся не только в этом. Религия и связанный с нею философский идеализм защищают те «кусты», которые отстаивают все «консерваторы», то есть представители господствующих классов общества.

Говоря в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» о материализме в общеполитическом смысле, Плеханов отмечает, что «время возводило на его основном положении самые разнообразные надстройки, которые придавали материализму одной эпохи совершенно иной вид сравнительно с материализмом другой» (Соч., т. VII, стр. 62).

В истории материалистической философии Плеханов различает следующие главные стадии: 1) наивный материализм древности (который он называл иногда «гилозоизмом»), 2) метафизический материализм нового времени, типичными представителями которого он считал Спинозу и французских материалистов, и 3) «современный материализм», под которым он имел в виду марксизм.

Плеханов страстно защищал лучшие традиции материализма. Особенно высоко оценивал он французский материализм XVIII века, как научное объяснение природы, передовую философскую идеологию, которая подготовила французскую революцию, проложила путь революционным идеям якобинцев и утопическому социализму.

В произведениях Плеханова раскрываются внутренние противоречия и слабости философской и социологической концепций французского материализма: с одной стороны, французские материалисты считали человека продуктом среды, преимущественно общественной, с другой стороны, сама среда, с их точки зрения, есть результат общественного мнения; следовательно, заключали они, мнения людей правят миром. Эта противоречивость, пронизывающая весь французский материализм, объясняется незавершенностью и ограниченностью его учения, которое, во-первых, не распространяется на историю общества и, во-вторых, рассматривает и среду и человеческую природу антиисторически, как нечто раз навсегда данное, не подвергающееся воздействию и изменению в результате практической деятельности людей. Ахиллесовой пятой старого материализма, включая и французский, является, по мнению Плеханова, метафизический подход к природе, в том числе и к природе человека, непонимание качественного своеобразия общественной среды. С точки зрения этого материализма,

надо изучать человеческую жизнь не в развитии, а в таком состоянии, которого она достигла в настоящее время, то есть такой, какой она должна быть сообразно якобы неизменной «природе человека». В этом сказался элемент фатализма в мировоззрении французских материалистов.

Плеханов был неправ, когда рассматривал натуралистические концепции французского материализма в области социологии, то есть попытки объяснять общественную деятельность людей их физиологическими потребностями, как разновидность материалистического понимания истории. Правда, Плеханов приводит целый ряд положений из сочинения Гельвеция «О человеке», свидетельствующих о том, что этот выдающийся социолог признавал роль некоторых экономических потребностей в жизни общества, но тут же сам доказывает, что, по мнению Гельвеция, сильнее всего рычагом исторического развития общества является «увеличение общей суммы физиологических потребностей». В целом же Плеханов правильно отмечал и достоинства и недостатки старого материализма, в том числе и французского.

Справедливо считая французских материалистов идеологами революционной буржуазии, Плеханов подчеркивал, что они отнюдь не были корыстными защитниками интересов буржуазии. Их учения проникнуты благородными идеями и стремлениями. Лучшие представители буржуазии, писал он в «Очерках по истории материализма», «люди с умом и сердцем, мечтали о царстве ума, о всеобщем счастье, о небе, сошедшем на землю» (Соч., т. VIII, стр. 58). Плеханов видел слабые места старого материализма, послужившие объектом критики со стороны идеализма, особенно идеализма диалектического, а именно: метафизическое толкование «человеческой природы», как раз навсегда данной и неизменной, и столь же метафизическое представление о всей предыдущей истории человеческой мысли, как о «галерее обманов и заблуждений», неумение представить историю общества и человеческой мысли как специфические и закономерные процессы развития, непонимание активной, деятельной стороны человеческого мышления, известные фаталистические тенденции и т. д.

Плеханов определил направление, по которому закономерно должно было пойти и пошло развитие философской мысли, то есть движение вперед от метафизики к диалектике, осуществленное в исторических условиях конца XVIII — начала XIX века в форме идеализма. «...Бессилие французского материализма,— писал Плеханов, отстаивая взгляды Маркса — Энгельса,— перед вопросами развития в природе и в истории делало очень бедным его философское содержание... Материализм должен был покинуть сухие, отвлеченные рассуждения и попытаться понять и объяснить с своей точки зрения «живую жизнь», сложную и пеструю цепь конкретных явлений» (Соч., т. VII, стр. 118).

Немало внимания Плеханов уделял в своих трудах материалистической философии Фейербаха. В книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в предисловии и примечаниях к произведению Энгельса «Людвиг Фейербах...», в трудах «Н. Г. Чернышевский», «Основные вопросы марксизма» и в других своих марксистских сочинениях Плеханов ярко и убедительно показал роль философии Фейербаха в критике идеализма и религии, историческое место фейербаховского материализма как одного из источников философии марксизма.

Следуя примеру Маркса и Энгельса, Плеханов не приукрашивает материализм, не скрывает слабостей и ошибок предшествующих материалистических учений, но относится с большим уважением и любовью к лучшим традициям материализма. Его взгляд на материализм в корне противоположен антиматериалистическому духу «Истории философии» Гегеля, который относился к материализму, как мачеха.

Работы Плеханова по истории материалистической философии XVIII — первой половины XIX века, анализ той связи и преемственности, которая была между предшествующим материализмом и марксизмом,

нанесли удар по буржуазным клеветникам, изображающим марксизм как сектантское учение, якобы не связанное с историей цивилизации, с предыдущим развитием философской мысли. В работах Плеханова подчеркивается закономерность творческого развития материализма, особенно в сфере исторической, в результате чего появление диалектического и исторического материализма рассматривается не как нечто случайное, а как закономерное явление, как высший результат развития прогрессивной философской мысли.

* * *

Плеханов придавал большое значение не только материалистической традиции в истории философии, но и традиции диалектической, которая проложила путь марксистской диалектике и помогла освобождению науки и общественной мысли от пут метафизики. В своей статье «К шестидесятой годовщине со дня смерти Гегеля» он справедливо отмечал, что между социальными науками «нет ни одной, которая не испытала на себе могучего и, в высшей степени, плодотворного влияния гегелевского гения. Диалектика, логика, история, право, эстетика, история философии и история религии приняли новый вид, благодаря толчку, полученному ими от Гегеля» (Соч., т. VII, стр. 29).

Вместе с тем Плеханов был свободен от идеализации немецкой идеалистической философии, в том числе и гегелевской. Он видел гносеологические корни немецкого идеализма и указывал на присущий философии немецких идеалистов, в том числе и философии Гегеля, отрыв общих понятий от действительной жизни, от реального мира, на абсолютизирование этих общих понятий, которое привело к превращению этих понятий в абсолютную идею, якобы сотворившую мир.

Относительно классово-природы немецкой классической философии Плеханов, следуя Энгельсу, говорил: это «немецкая теория французской революции». Он отмечал, что идеологи немецкой буржуазии конца XVIII—начала XIX века, стремясь к установлению в своей стране таких же общественных порядков, какие установились по ту сторону Рейна, пытались осмыслить происходившие в мире революционные процессы, но не были способны к действительной борьбе, так как немецкая буржуазия склонялась к компромиссу с феодально-монархическими силами.

Плеханов замечает при этом, что ученые предстатели современной буржуазии предпочитают Канта Гегелю потому, во-первых, что они чувствуют новаторский дух философии Гегеля, ибо его диалектика, будучи правильно истолкованной, становится алгеброй революции. И, во-вторых, потому, что в философии Канта их привлекают ее наиболее слабые стороны — дуализм и агностицизм. Современные эпигоны кантианства, опираясь на теорию познания Канта, твердят в ответ на все усилия научной мысли: «Не знаем и не узнаем». Но кантианство, замечает Плеханов, — это не только теория, которая «гарантирует им неотъемлемое право на философскую леность. Согласно предсказанию оракула, Афины спаслись за *деревянными стенами*. Нынешние философы думают, что могут спастись на территории вещи в себе... от всех проклятых вопросов нашего времени» («Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник V, стр. 14).

Высоко оценив диалектику Гегеля, как могучее орудие познания всего существующего, которым должны пользоваться практические деятели, стремящиеся к переустройству общества, Плеханов развил мысль Маркса и Энгельса о противоречии между прогрессивным, диалектическим методом и консервативной, идеалистической системой Гегеля. Если диалектика Гегеля — «алгебра революции», говорил он, то его разросшаяся с годами консервативная система есть «арифметика застоя», ибо «абсолютная идея» рассматривается в его системе как неизменяющаяся действительность, а мир — как совершенный.

Плеханов отмечал и другую исторически обусловленную ограниченность диалектики Гегеля, состоящую в том, что у него она обращена преимущественно к прошлому и занимается осмысливанием только того, что уже свершилось и приняло законченный вид (Плеханов не раз повторял слова Гегеля: «Сова Минервы вылетает лишь в сумерки»).

В противоположность Гегелю Плеханов считал, что диалектика применяется к познанию не только прошлого, но и настоящего и будущего: «Если философия познает только отживающее старое, то познание *односторонне*, она неспособна выполнить свою задачу познания сущего... Новейший материализм чужд подобной крайности. На основании того, что есть и что *отживает свой век*, он умеет судить о том, что *становится*» (Соч., т. VII, стр. 47).

В трудах Плеханова ярко показана роль диалектики Гегеля, как одного из теоретических источников марксизма. В них подчеркивается, что Маркс нанес смертельный удар утопистам, в том числе и русским народникам, потому что он пользовался диалектическим методом Гегеля: застой лишился своего обоснования, а вечное движение было признано основным законом существования. «И эту-то *алгебру прогресса*»,—писал Плеханов в грузинском легальном журнале «Квали»,—осмеливаются называть философией реакции жалкие люди, лишённые всякого философского образования, не прочитавшие ни одной страницы из сочинений Гегеля и вряд ли даже издали видавшие эти сочинения! Невежество всегда было самоуверенно, заносчиво и хвастливо, но в данном случае оно перешло всякую меру в своей самоуверенности и заносчивости и в своем хвастливом стремлении *«критиковать»* совершенно незнакомые предметы» («Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник V, стр. 183—184).

* * *

В отличие от многих деятелей II Интернационала, отрицавших роль идей в развитии общества и стоявших на позициях «экономического материализма», Плеханов считал, что одной из лучших форм развития марксистской философии является применение материалистического понимания истории к истории идеологий; хотя в процессе научного анализа истории философии и социальных учений Плеханов допускал подчас серьезные ошибки, в целом он был убежденным сторонником марксистской философии, страстным защитником материалистических традиций в развитии человеческой мысли, в том числе и русской философии, острым критиком идеализма, взятого на вооружение идеологами буржуазной реакции. Все это показывает, сколь не правы товарищи, утверждающие в своих работах, что плехановская концепция истории философии, в частности история русской философии, немарксистская и антинаучная.

В своих марксистских трудах по истории философии Плеханов выступил как диалектический материалист, отстаивающий философию марксизма от ее врагов и развивающий ряд ее положений.

Не случайно и поныне противники марксизма, например, правосоциалистические «теоретики», либо замалчивают марксистские работы Плеханова, либо фальсифицируют его идейное наследие, спекулируя на ошибках, допущенных им в меньшевистский период деятельности, и скрывая правду о его трудах марксистского периода. Они пытаются противопоставить Плеханова-марксиста В. И. Ленину. Еще более грубо фальсифицируют взгляды Плеханова открыто реакционные историки вроде Б. Зеньковского, Н. Лосского, Г. Веттера. Так, Веттер в своей книжке «Диалектический материализм», злобно искажая истину о роли Плеханова в истории философии, приписывает ему «фаталистический взгляд» на историю, низводит Плеханова до положения «западника-рационалиста с про-

светительской тенденцией», объявляет его «проповедником позитивистской доктрины» и т. п.¹

Следует разоблачить подобную фальсификацию русского марксиста и дать советскому и зарубежному читателю научное освещение роли Плеханова в истории философии.

В период 1883—1903 годов Плеханов создал много замечательных трудов по философии марксизма, в том числе и по истории философии. После 1903 года, в частности в период борьбы с ликвидаторством (1908—1912), Плеханов написал ряд в основном марксистских философских работ, содержащих, однако, серьезные отступления от диалектического материализма, связанные с его политическим оппортунизмом, меньшевизмом.

В работах Плеханова, написанных после 1903 года, то есть в меньшевистский период его деятельности, содержатся ошибки в оценке философской эволюции Маркса и Энгельса, затушевывающие коренное отличие диалектического материализма от материализма домарксистского, превосходство марксизма над предшествовавшими ему учениями. Плеханов допускал иногда (особенно в меньшевистский период) ошибки и в оценке русских философов-материалистов, состоявшие в недооценке их самостоятельности и преувеличении влияний западноевропейской философии, в непонимании того, что основным содержанием взглядов русских революционных мыслителей XIX века был революционный крестьянский демократизм и т. д.; эти ошибки Плеханова свидетельствуют об отступлениях его от принципов марксистской диалектики в исследовании истории философии².

В основу изучения литературного наследия Плеханова должны быть положены ленинские оценки его марксистских работ. Необходимо всесторонне и глубоко изучать философские труды Плеханова, являющиеся весьма интересной и важной вехой в истории марксистской философии.

Марксистская история философии не может мириться ни с противоречащим ленинизму нигилистическим отношением к марксистскому философскому наследию Плеханова, ни с какими-либо попытками оправдать его ошибки и слабости. Плеханов не сумел творчески развить и применить марксизм, в том числе и его философию, к условиям новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, и только Ленин — величайший творческий марксист новой эпохи — и его соратники развили дальше марксистскую философию, положили начало новому, высшему этапу в истории марксизма.

¹ Заметим, что, согласно утверждению Веттера, Плеханов считает марксистскую философию «синтезом гегелевской диалектики и фейербаховского материализма».

² Вопрос о трудах Плеханова по истории русской философии и истории марксистской философии требует специального рассмотрения.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Два мировоззрения, две политики 3

Сюй Ди-син (Китай) — О взаимоотношениях между классами и тенденции классовой борьбы в Китае в переходный период 15

Г. З. Апресян — В. И. Ленин о связи искусства с народной жизнью 31

Н. Г. Александров — Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе 44

М. М. Карпов (Ростов н/Дону) — О внутренних закономерностях развития естествознания 58

В. А. Фомина — Разработка Г. В. Плехановым вопросов материалистической диалектики 69

В. М. Межуев — Основные принципы гегелевской критики формальной логики 80

С. Б. Церетели (Тбилиси) — О природе связи основания и следствия 92

Член-корр. АН СССР **М. Т. Иовчук** — Вопросы истории философии в трудах Г. В. Плеханова 102

Член-корр. АН СССР **С. Л. Рубинштейн** — Философия и психология 114

Куо Шао-тан — Философские взгляды Лян Шу-мина 128

Кэндзюро Янагида (Япония) — Эволюция моего мировоззрения 137

Член-корр. АН СССР **М. Д. Каммари** — О третьем конгрессе международной ассоциации социологов 150

А. И. Владимирова — Против идеалистической фальсификации диалектики 162

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. И. Конник — О противоречиях, связанных с действием экономических законов 174

А. П. Бутенко — Народ как социологическая категория 181

Л. Г. Тамашин — К вопросу о реализме 186

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ш. В. Габилая (Тбилиси) — Новое пособие по диалектическому материализму 193

В. М. Богуславский — Исследование по теории суждения 198

П. Ф. Пашкевич — О познании истины в судебной деятельности 203

В. Е. Тимошенко — Об издании классиков античной философии	208
Ф. Х. Кессиди — Противоположность научного знания религиозной вере	210
М. Б. Ефимов — Против реакционных домыслов фрейдистов	212

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. А. Майзель, Ю. С. Мелешенко, А. И. Новиков (Ленинград) — Обсуждение проектов программ курса диалектического и исторического материализма в Ленинграде	214
Н. И. Панкратова — В Институте философии АН СССР	216

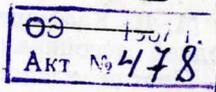
ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

И. И. Черкасов — О некоторых ошибках в освещении философских взглядов Г. В. Плеханова	225
А. С. Богомолов — К вопросу о «противниках идеализма» в современной английской буржуазной философии	229
Е. Ф. Помогаева, П. С. Трофимов — О некоторых представителях современной английской буржуазной философии	234
Морис Корнфорт (Англия) — Ответ на письма читателей по поводу Александра и Уайтхеда	237

ЗА РУБЕЖОМ

Краткие заметки

А. Л. Субботин, А. И. Абрамов — Философский семинар в Мексике	240
Д. М. Угринович — «Ликвидация классового общества» или... его апологетика?	243
Е. Г. Панфилов — Перестала ли война быть продолжением политики?	246
Новые книги ЖК-IX-587	248

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Д. Каммари (главный редактор), А. Д. Александров, Б. М. Кедров, В. С. Кеменов, И. В. Кузнецов, М. Б. Митин, В. С. Молодцов, М. М. Розенталь (зам. главного редактора), М. И. Сидоров, Ц. А. Степанян, В. Н. Столетов, П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев, А. Ф. Шишкин.

Адрес редакции: Москва, Г-19. Волхонка, 14, комн. 418. Телефоны: Б 8-76-32, Д 3-35-40.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00250.

Подписано к печ. 7/III 1957 г.

Тираж 50 000.

Изд. № 293. Заказ № 2911. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. 8 бум. л. — 21,92 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.